

**В Судебную коллегию по гражданским делам
Московского городского суда**
через Хамовнический районный суд г. Москвы
119121, г. Москва, 7-ой Ростовский пер., д.21

дело № 02-2064/2020
(в пр-ве ф/с Г.Г. Бугынина)

Истец: Кривошеев Сергей Алексеевич
Адрес для корреспонденции:
111141, Москва, Зеленый пр-кт, д. 8, кв. 27

Ответчик: Адвокатская палата города Москвы
119002, Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43

3-е лицо: Межрегиональная коллегия
адвокатов города Москвы
111141, г. Москва, Зеленый проспект,
д.3/10, стр.15

**АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА
на решение от 24.09.2020**

24.09.2020 Хамовническим районным судом г.Москвы было вынесено решение, которым отказано в удовлетворении моих исковых требований к Адвокатской палате города Москвы в полном объёме. С данным решением не согласен, считаю его необоснованным и незаконным по следующим основаниям.

1. Оспаривание решения Совета Адвокатской палаты г.Москвы № 135 от 29.10.2018 «Об уплате обязательных отчислений адвокатами, состоящими в реестре адвокатов г.Москвы».

Одним из главных доводов искового заявления по оспариванию решения Совета Адвокатской палаты г.Москвы № 135 от 29.10.2018 было то, что, принимая данное решение, Совет Адвокатской палаты г.Москвы грубо нарушил установленные законом правила о компетенции. Так подпунктом 5 п. 1 ст. 7, подпунктом 1 п. 7 ст. 25, подпунктом 4 п. 2 ст. 30 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ФЗ об адвокатуре) прямо

установлено: *размер и порядок отчислений средств на общие нужды адвокатской палаты определяются собранием (конференцией) адвокатов адвокатской палаты соответствующего субъекта РФ*. Более того, согласно п.3 ст.31 ФЗ об адвокатуре установленный этой статьёй **перечень полномочий** совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации является **закрытым** и не подлежит расширенному толкованию.

В ходе рассмотрения дела судом было установлено (т. 3 л.д. 36 абзац первый), что оспариваемое решение Совета Адвокатской палаты г.Москвы № 135 от 29.10.2018 «Об уплате обязательных отчислений адвокатами, состоящими в реестре адвокатов г.Москвы» *регулирует вопросы уплаты обязательных отчислений адвокатами, состоящими в реестре адвокатов г.Москвы*. То есть, в юридической терминологии (и не только юридической – т. 3 л.д. 25) оспариваемое решение Совета Адвокатской палаты г.Москвы (Совет АПМ) **устанавливает** именно **порядок** уплаты обязательных отчислений **в нарушение** вышеуказанных императивных положений ФЗ об адвокатуре. Да и в самой преамбуле решения Совета АПМ № 135 от 29.10.2018 (т. 1 л.д. 70) сказано, что оно принято «в целях упорядочения уплаты обязательных отчислений» и со ссылкой на подпункт 4 п. 2 ст. 30 ФЗ об адвокатуре (п.2 оспариваемого решения), который, как указывалось выше, относит это к полномочиям другого органа Палаты – собрания (конференции), в чью компетенцию как вышестоящего органа АПМ вторгся Совет, превысив свои полномочия. Однако суд вопреки установленным фактическим обстоятельствам делает странный и ничем не обоснованный вывод о том, что никакие нормы права Совет АПМ этим решением не нарушает.

Правильность изложенной мной правовой позиции подтверждается и решением Восемнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 13.03.2020, пунктом 14 которого был впервые установлен **порядок** уплаты обязательных отчислений адвокатов (т. 3 л.д. 16-17), который не содержит всех тех чрезмерных и неоправданных требований, которые были незаконно установлены оспариваемым решением Совета АПМ № 135 от 29.10.2018.

При этом в подтверждение наличия у Совета Адвокатской палаты г.Москвы полномочий на принятие оспариваемого решения, суд сослался на положения ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», *согласно которым к компетенции Совета относится разрешение вопросов защиты социальных и профессиональных прав адвокатов, подразумевающих принятие решений, содействующих членам адвокатского сообщества г.Москвы в исполнении обязанностей предусмотренных ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также распоряжение имуществом*

адвокатской палаты, к которому в силу ст. 34 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» относятся отчисления, осуществляемые адвокатами на общие нужды адвокатской палаты.

Однако на самом деле в п. 15 ч. 3 ст. 31 ФЗ об адвокатуре указывается лишь на то, что совет адвокатской палаты распоряжается имуществом адвокатской палаты в соответствии со сметой и с назначением имущества, а вопросы распоряжения имуществом адвокатской палаты относятся к расходной части бюджета (ч. 2 ст. 34 ФЗ об адвокатуре), в то время как оспариваемым решением Совета АПМ установлен порядок формирования его доходной части (ч. 1 ст. 34 ФЗ об адвокатуре). Иными словами, отчисления адвокатов на нужды палаты не являются имуществом палаты до их поступления и зачисления в соответствии с порядком, опять-таки установленным собранием (конференцией) палаты (п. 4, 5 ч. 2 ст. 31 ФЗ об адвокатуре).

А какое отношение к предмету и основаниям иска имеет «разрешение вопросов защиты социальных прав адвокатов» (п. 10 ч. 3 ст. 31 ФЗ об адвокатуре) - эту загадку суд вообще никак не разъяснил. В результате в обоснование своих выводов суд сослался на нормы права, очевидно не относящиеся к предмету спора и не подлежащие применению в настоящем деле (п. 2 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ).

Далее суд указывает, что оспариваемым решением Совет АПМ регулирует, в частности, вопросы, касающиеся надлежащего оформления налоговым агентом адвокатов документации по уплате адвокатами обязательных отчислений через адвокатское образование.

Однако, Налоговый кодекс РФ прямо предусматривает какими правовыми актами о налогах и сборах могут регулироваться действия налоговых агентов как участников налоговых правоотношений (ч. 6 ст. 1), а также полномочия уполномоченных органов по изданию отдельных видов правовых актов (ст. 4). Более того, ч. 1 ст. 5 НК РФ прямо предусматривает, что нормативный правовой акт по вопросам налогов, сборов, страховых взносов признается не соответствующим настоящему Кодексу, если такой акт издан органом, не имеющим в соответствии с настоящим Кодексом права издавать подобного рода акты (подпункт 1) или вводит обязанности, не предусмотренные настоящим Кодексом, или изменяет определенное настоящим Кодексом содержание обязанностей участников отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах, иных лиц, обязанности которых установлены настоящим Кодексом (подпункт 3).

Таким образом, своим решением суд хотя и установил фактические обстоятельства, свидетельствующие о явной незаконности оспариваемого

решения, однако не применил подлежащие применению нормы права для правильного разрешения дела (п. 1 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ).

Далее суд почему-то поясняет целесообразность принятия Советом АПМ решения № 135 от 29.10.2018 (хотя это и не входит в его компетенцию), указывая, что это решение принято *во избежание перечисления из адвокатских образований в Адвокатскую палату г.Москвы обезличенных денежных сумм, не подлежащих зачёту в счёт исполнения обязанности адвоката по уплате отчислений.*

Однако при этом суд не даёт ответы на два вопроса, поставленные в исковом заявлении и в ходе рассмотрения дела:

- как засчитывались эти платежи ранее в отсутствие оспариваемого решения, учитывая, что Адвокатская палата г.Москвы и соответствующие обязательные отчисления адвокатов существовали с 2002 г. (с момента создания Палаты) до конца 2018 г., когда было принято оспариваемое решение;

- почему идентификация платежей требует установление обязательной строго определённой формы реестра (т.1 л.д. 71, 75, 76): таблица Excel, шрифт указывая, что это решение принято *во избежание перечисления из адвокатских образований в Адвокатскую палату г.Москвы обезличенных денежных сумм, не подлежащих зачёту в счёт исполнения обязанности адвоката по уплате отчислений* определённого размера и типа, указание дополнительных персональных данных (номера телефона, адреса электронной почты), на использование (обработка, передача) которых адвокаты не давали своего разрешения в соответствии с требованиями ФЗ «О защите персональных данных», поскольку реестры, направленные без соблюдения данных абсурдных требований бухгалтерией Адвокатской палаты г.Москвы не принимаются и возвращаются назад (т. 1 л.д. 131-133, 195-196, т. 3 л.д. 27-28), что не оспаривается и самим ответчиком.

Так из имеющихся в деле доказательств – Отчёта Совета АПМ об исполнении сметы расходов на содержание АПМ за период 2019 года, Отчёта Ревизионной комиссии АПМ за 2019 год (т. 3 л.д. 10-14) следует, что отсутствие реестров к платёжным поручениям филиалов Межрегиональной коллегии адвокатов г.Москвы (в соответствии с требованиями оспариваемого решения Совета АПМ) не повлекло нарушение финансово-хозяйственной деятельности Адвокатской палаты г.Москвы, порядка формирования доходной части её бюджета и не потребовало возврата полученных по таким платёжным поручениям денежных средств со стороны Палаты как *обезличенных и не подлежащих зачёту в счёт исполнения обязанности адвоката по уплате отчислений*, что совершенно надуманно утверждается в решении суда.

Таким образом, выводы суда первой инстанции, изложенные в решении, не соответствуют обстоятельствам дела (п. 3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ).

Помимо этого, в обоснование своего решения суд почему-то сослался на нормы корпоративного права (ст. 181.4 ГК РФ), обосновывая отсутствие

оснований у истца для оспаривания решения Совета АПМ как участника собрания, утверждая, что *каких-либо нарушений действующего законодательства при утверждении Советом Адвокатской палаты г.Москвы вышеуказанных положений судом не установлено, факт наличия кворума не оспаривается, а в принятии решения Совета Адвокатской палаты г.Москвы № 135 от 29.10.2018 «Об уплате обязательных отчислений адвокатами, состоящими в реестре адвокатов г.Москвы» истец участия не принимал, членом Совета Адвокатской палаты г.Москвы не являлся.*

Вместе с тем оспаривание решения органа корпорации по норме ст. 181.4 ГК РФ является самостоятельным основанием, которое в данном деле истцом вообще не заявлялось. То есть, если руководствоваться подобной логикой суда, то ни один из 11 с лишним тысяч адвокатов – членов Адвокатской палаты г.Москвы, которые не являются членами Совета АПМ (15 членов), вообще не вправе оспаривать никакие решения Совета палаты, поскольку они не участвовали и не могли участвовать в их принятии, не будучи его членами (?!).

То есть, очевидно, что судом неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела (п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ), что в результате также повлекло применение норм права, не подлежащих применению в деле.

Далее судом сделан ещё более странный вывод относительно оспариваемого решения Совета АПМ № 135 от 29.10.2018: *при отсутствии доказательств нарушения прав Кривошеева С.А. оспариваемыми положениями исключает нарушение его прав ответчиком.*

В то же время суд сам своим определением от 11.06.2020 (т. 1 л.д.102) объединил два самостоятельных иска в одно производство, указывая, что они связаны между собой. А связь этих исковых заявлений как раз и заключается в том, что к истцу при рассмотрении дисциплинарного производства и вынесении наказания (решение Совета АПМ № 32 от 28.02.2020) были применены противоречащие нормам действующего законодательства положения оспариваемого решения Совета Адвокатской палаты г.Москвы № 135 от 29.10.2018. Именно этим безусловно доказывается нарушение прав истца оспариваемым решением и очевидное право на его оспаривание.

Помимо этого, необходимо отметить, что судом вообще не рассмотрены доводы искового заявления, согласно которым Адвокатская палата г. Москвы в лице любого её органа **не вправе устанавливать обязанности и ответственность или давать обязательные для руководителя адвокатского образования, т.е. другого юридического лица, распоряжения/указания, касающиеся порядка управления этим юридическим лицом.**

В силу положений ст.4 ФЗ об адвокатуре, принятый в порядке, предусмотренном ФЗ об адвокатуре, Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения **при осуществлении адвокатской деятельности**, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также **основания и порядок привлечения адвоката к ответственности** (ст. 1).

Настоящий Кодекс дополняет правила, установленные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре. Никакое положение настоящего Кодекса не должно толковаться как предписывающее или допускающее совершение деяний, противоречащих требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре (ст. 2).

Вопреки данным нормам Совет АПМ оспариваемым решением установил иные дополнительные основания ответственности для руководителей адвокатских образований помимо тех, которые установлены Кодексом профессиональной этики адвоката.

Согласно п.1 ст.2 ФЗ об адвокатуре адвокатом является лицо; получившее статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Адвокат не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, **за исключением** научной, преподавательской и иной творческой деятельности, а также занимать государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной службы и муниципальные должности. Адвокат вправе совмещать адвокатскую деятельность с работой в качестве руководителя адвокатского образования.

Следовательно, положение п. 2 ст. 9 КПЭА о том, что исполнение адвокатом полномочий руководителя или иного избранного (назначенного) на должность лица адвокатского образования (подразделения) является его профессиональной обязанностью и не относится к трудовым правоотношениям, а вознаграждение, выплачиваемое адвокату за работу в адвокатском образовании в связи с исполнением указанных полномочий, носит характер компенсационной выплаты, поскольку оно не относится непосредственно к понятию «адвокатская деятельность», в системе приведённых норм может быть истолковано исключительно как **право** адвоката работать (вступать в трудовые отношения с адвокатским образованием как юридическим лицом) в качестве руководителя адвокатского образования и получать за это дополнительное вознаграждение (отличное по своей природе от гонорара), но не как его обязанность, предполагающая для него какие-либо ограничения или обременения как для независимого профессионального советника по правовым вопросам.

То есть законодательством об адвокатуре регулируются правоотношения, связанные с профессиональной деятельностью адвоката и не регламентирована деятельность адвоката по руководству адвокатским образованием.

В действующем законодательстве об адвокатской деятельности и адвокатуре отсутствуют нормы, предоставляющие адвокатской палате право

давать распоряжения, принимать нормы обязательные для исполнения руководителем адвокатского образования и вводить основания ответственности за их неисполнение, а потом и применять их на практике, налагая на руководителя другого самостоятельного юридического лица меры дисциплинарной ответственности.

Действующим ФЗ об адвокатуре определён исчерпывающий перечень обстоятельств, по которым адвокатское образование (коллегия адвокатов) обязано взаимодействовать с адвокатской палатой субъекта Российской Федерации, уведомляя её об определённых фактах, существенных для организации адвокатской деятельности адвокатов, которые состоят в этом адвокатском образовании (п. 7, 10 и 13 ст. 22 ФЗ об адвокатуре).

Адвокатская палата субъекта РФ не наделена правом своими решениями вносить изменения в законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ. Тем не менее, оспариваемым решением № 135 Совет АПМ фактически внес изменения в ФЗ об адвокатуре и ввел новые, отсутствующие в законе обязанности и ответственность для руководителей адвокатских образований города Москвы.

Так согласно п. 5 оспариваемого решения № 135 (в редакции решения Совета АПМ № 79 от 28.05.2019) для единоличного исполнительного органа (руководителя) адвокатского образования установлена безусловная **обязанность обеспечивать** перечисление на расчётный счёт Адвокатской палаты города Москвы обязательные отчисления адвокатов, состоящих членами соответствующего адвокатского образования, не позднее десятого числа следующего месяца.

Помимо общих положений ГК РФ данный пункт противоречит также п. 12 ст. 22 ФЗ об адвокатуре, в соответствии с которым члены коллегии адвокатов не отвечают по обязательствам коллегии, в свою очередь, коллегия адвокатов не отвечает по обязательствам своих членов. Так, например, данным решением не урегулирован вопрос о том, как необходимо исполнять подобную обязанность при отсутствии денежных средств на личном счёте адвоката.

Кроме того, нормы решения № 135 от 29.10.2018 приняты в отношении всех руководителей адвокатских образований без различия того, имеет ли такой руководитель статус адвоката или нет, что также безусловно является превышением полномочий Совета АПМ.

2. Оспаривание решения Совета Адвокатской палаты г.Москвы № 32 от 28.02.2020.

Суд в своём решении необоснованно, используя лишь общие фразы, указывает, что факт нарушения истцом пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ об адвокатуре, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 4 решения Совета АПМ № 135 от 29.10.2018 якобы был подтверждён представленными суду доказательствами, в частности материалами дисциплинарного производства, при этом не уточняя

какими именно документами из материалов дисциплинарного производства какие нарушения подтверждаются.

Вместе с тем пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ об адвокатуре устанавливает лишь общую обязанность соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, **принятые в пределах их компетенции**, а п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката дословно повторяет норму закона. В результате истцу в качестве дисциплинарного проступка вменяется нарушение п. 4 решения Совета АПМ № 135 от 29.10.2018, который, как уже было установлено выше, принят с превышением полномочий и в нарушение императивных норм действующего законодательства.

Отклоняя довода истца о рассмотрении дисциплинарного производства в отсутствие истца, который по объективным и уважительным причинам (нахождение в стационаре медицинского учреждения) не имел возможности явиться и заявляя о своём критическом к нему отношении, суд указывает на возможность истца воспользоваться услугами представителя.

Оспариваемое решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 32 от 28.02.2020 вынесенное **в отсутствие истца**, на самом деле **лишило его права на объективное и справедливое разбирательство**.

Согласно п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное производство должно обеспечить своевременное, объективное и справедливое рассмотрение жалоб, представлений, обращений в отношении адвоката, их разрешение в соответствии с законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом, а также исполнение принятого решения.

Согласно п. 1 ст. 21 КПЭА участники дисциплинарного производства заблаговременно извещаются о месте и времени рассмотрения дисциплинарного дела квалификационной комиссией, им предоставляется возможность ознакомления со всеми материалами дисциплинарного производства. Согласно п. 1 ст. 23 КПЭА письменные доказательства и документы, которые участники намерены представить в комиссию, должны быть переданы ее секретарю не позднее десяти суток до начала заседания.

Уведомление из Адвокатской палаты г. Москвы исх.№35 от 13.01.2020 о возбуждении в отношении меня дисциплинарного производства поступило в адрес МКА г.Москвы 21.01.2020. Я вернулся из отпуска вечером 22.01.2020, что подтверждается копией авиабилета (т. 2 л.д.п. 274), первым рабочим днём для меня было 23.01.2020. То есть с учётом выходных дней я был **уведомлен** о заседании Квалификационной комиссии **за 4 рабочих дня**, что не дало мне возможность полноценно изучить материалы дисциплинарного производства, собрать доказательства и подготовить объяснения.

Согласно п. 5 ст. 24 КПЭА участникам дисциплинарного производства предоставляются равные права изложить свои доводы в поддержку или против заключения квалификационной комиссии, высказаться по существу предлагаемых в отношении адвоката мер дисциплинарной ответственности.

26 февраля 2020 г. я был экстренно госпитализирован в стационар, о чем своевременно (27.02.2020) уведомил Адвокатскую палату г. Москвы через своего представителя (т. 1 л.д. 42, т. 2 л.д.п. 15, 16). Я просил перенести рассмотрение вопроса по дисциплинарному производству в отношении меня на следующее заседание Совета, для того чтобы иметь возможность присутствовать лично, представить письменные объяснения и давать устные пояснения по всем аспектам дисциплинарного производства, поскольку у меня имелись многочисленные возражения, в том числе и по нарушению процедуры вынесения заключения квалификационной комиссией. Я находился в больнице с 26.02.2020 по 04.03.2020.

Несмотря на моё письменное ходатайство о переносе рассмотрения вопроса, своевременно поступившее в Совет Адвокатской палаты г. Москвы, в удовлетворении ходатайства мне было отказано без приведения каких-либо разумных мотивов, вопрос был рассмотрен по существу в моё отсутствие, и в отношении меня была применена мера дисциплинарной ответственности.

В результате Совет Адвокатской палаты г. Москвы без каких-либо оснований лишил меня права на объективное состязательное рассмотрение моего дисциплинарного производства, при наличии объективной уважительной причины невозможности присутствовать на заседании при соблюдении мной условия надлежащего и своевременного уведомления Совета о невозможности присутствия и её причине с предоставлением подтверждающего документа (справки из лечебного медицинского учреждения) и приложением его копии, что подтверждается решением Совета АПМ.

В качестве причины отказа в удовлетворении ходатайства истца об отложении рассмотрения дисциплинарного производства в оспариваемом решении Совета АПМ указано то, что представленная мной незаверенная копия медицинской справки «не является надлежащим подтверждением его нахождения на стационарном лечении в день рассмотрения Советом дисциплинарного производства». Тем самым Совет необоснованно и незаконно презюмировал мою недобросовестность, усомнившись в недостоверности представленных мной медицинских документов. В то время как одним из постулатов адвокатской этики является принцип доверия (п.7 ст. 10 КПЭА: при исполнении поручения адвокат исходит из презумпции достоверности документов и информации, представленных доверителем, и не проводит их дополнительной проверки) и презумпция добросовестности адвоката, которая не была ничем опровергнута.

Согласно п. 1 ст. 24 КПЭА дисциплинарное дело, поступившее в Совет палаты с заключением квалификационной комиссии, должно быть рассмотрено не позднее двух месяцев с момента вынесения заключения, не считая времени отложения дисциплинарного дела по причинам, признанным Советом уважительными. Таким образом, у Совета АПМ не имелось никаких правовых

препятствий для отложения рассмотрения дисциплинарного производства при наличии объективных и уважительных причин невозможности моего присутствия, подтверждённых мной документально. При этом, если у Совета имелись какие-либо обоснованные сомнения в достоверности представленных мной документов, то ничто не мешало повторно запросить оригинал медицинской справки или связаться (поручить сотрудникам аппарата) с самим медицинским учреждением, телефон которого указан на справке.

В дополнение к сказанному могу сослаться на правовая позиция апелляционного определения Челябинского областного суда от 04.04.2019 по делу № 11-3538/2019 (приложение 3).

Согласно п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату **не позднее шести месяцев** со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни адвоката, нахождения его в отпуске.

Судом данный довод искового заявления отвергнут необоснованно, неправильно определены сроки начала и окончания давности привлечения к дисциплинарной ответственности, что подтверждается следующим.

Так судом указано, что ответчику стало известно о наличии в действиях истца признаков правонарушения только из представления вице-президента палаты от 23.12.2019.

Однако в материалах дисциплинарного производства имеются многочисленные документы, опровергающие вывод суда о том, что ответчику стало известно о наличии в действиях истца признаков правонарушения только из представления вице-президента палаты от 23.12.2019. В частности, на листе дисциплинарного производства 122 имеется письмо Президента АПМ И.А. Полякова от 30.04.2019 № 1370, из которого следует, что руководителю ответчика уже задолго до этого было известно о непредставлении реестров филиалами МКА г.Москвы. Также об этом свидетельствует выписка из решения Совета АПМ от 30.01.2019, почти за год до упомянутого судом представления вице-президента рассмотревшего вопрос о непредоставлении реестров МКА г.Москвы (т. 2 л.д.п. 119), письмо Президента АПМ И.А. Полякова от 05.03.2019 № 655 (т.2 л.д.п. 117), письмо главного бухгалтера АПМ Т.М. Аракчеевой от 16.09.2019 № 2982 (т. 2 л.д.п. 115, 132) и другие документы.

Если рассуждать с точки зрения вменяемого мне «проступка» - непредставления в Адвокатскую палату города Москвы реестров, заполненных в программе “Excel”, по платежам по перечислению структурными подразделениями Межрегиональной коллегии адвокатов города Москвы ежемесячных обязательных отчислений адвокатов Межрегиональной коллегии адвокатов города Москвы на нужды Адвокатской палаты города Москвы, то указанные реестры должны быть представлены на адрес электронной почты Адвокатской палаты г.Москвы в трёхдневный срок после даты платёжного

поручения. Следовательно, датой обнаружения «дисциплинарного проступка» является четвёртый день после даты платёжного поручения (день, следующий за истечением трёхдневного срока).

Межрегиональная коллегия адвокатов г.Москвы с момента своего создания состоит из адвокатов, все из которых распределены по филиалам Коллегии. Каждый филиал Коллегии имеет свой счёт, с которого и производит (за подписью руководителя филиала) соответствующие платежи за адвокатов, состоящих в указанном филиале и дающих филиалу поручения на осуществления тех или иных платежей.

В оспариваемом решении Совета АПМ от 28.02.2020 № 32 перечислены платёжные поручения, за непредставление реестров к которым ко мне применены меры дисциплинарной ответственности. Из перечисленных платёжных поручений по следующим платёжным поручениям шестимесячный срок давности привлечения к дисциплинарной ответственности на момент принятия Советом АПМ решения (28.02.2020) в любом случае истёк:

1) Адвокатская контора № 2 – п/п № 21 от 05 марта 2019 года, п/п № 29 от 01 апреля 2019 года, п/п № 36 от 05 мая 2019 года, п/п № 49 от 04 июня 2019 года, п/п № 54 от 02 июля 2019 года, п/п № 65 от 02 августа 2019 года;

2) Адвокатская контора № 5 – п/п № 23 от 06 марта 2019 года, п/п № 38 от 02 апреля 2019 года, п/п № 43 от 13 мая 2019 года, п/п № 55 от 05 июня 2019 года, п/п № 79 от 03 июля 2019 года, п/п № 85 от 31 июля 2019 года;

3) Адвокатская контора № 10 – п/п № 23 от 21 февраля 2019 года;

4) Адвокатская контора № 25 – п/п № 108 от 21 февраля 2019 года, п/п № 167 от 20 марта 2019 года, п/п № 214 от 05 апреля 2019 года, п/п № 296 от 21 мая 2019 года, п/п № 347 от 05 июня 2019 года, п/п № 484 от 07 августа 2019 года, п/п № 485 от 07 августа 2019 года;

5) Адвокатская контора № 39 – п/п № 10 от 21 мая 2019 года;

6) Адвокатская контора № 85 – п/п № 7 от 01 марта 2019 года, п/п № 11 от 03 апреля 2019 года;

7) Адвокатская контора № 119 – п/п № 34 от 13 февраля 2019 года; п/п № 137 от 10 июля 2019 года;

8) Филиал № 182 – п/п № 7 от 15 февраля 2019 года, п/п № 16 от 02 марта 2019 года, п/п 31 от 28 июня 2019 года, п/п № 35 от 07 августа 2019 года.

Согласно пп. 3 п. 3 ст.21 КПЭА обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства, является истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Помимо этого, с 01 по 25 октября 2019 года я находился в отпуске за пределами территории РФ и обязанности руководителя не исполнял. На это время обязанности Председателя Президиума МКА г.Москвы выполняла первый заместитель Председателя Коллегии Кривошеева И.С. На данный период выпадают следующие платёжные поручения:

1) Адвокатская контора № 2 – п/п № 82 от 02 октября 2019 года;

2) Адвокатская контора № 5 – п/п № 117 от 14 октября 2019 года;

3) Адвокатская контора № 25 – п/п № 629 от 01 октября 2019 года.

Применение мер ответственности за данный период также в любом случае не может быть вменено мне в вину.

Таким образом, даже с позиции ответчика, если гипотетически предположить, что за непредставление реестров к платёжным поручениям руководителя адвокатского образования вообще можно было бы привлекать к дисциплинарной ответственности, то из 41 платёжного поручения, перечисленных в оспариваемом решении Совета АПМ № 32 от 28.02.2020, как минимум 32 платёжных поручения, которые в любом случае не могут образовывать состава дисциплинарного нарушения по отношению ко мне.

Таким образом, установленные судом первой инстанции обстоятельства, имеющие значение для дела, на самом деле являются недоказанными, а выводы суда первой инстанции, изложенные в решении, не соответствуют обстоятельствам дела (п. 2, 3 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ).

Отвергая довод искового заявления о том, что Совет АПМ имеет право применять меры дисциплинарной ответственности только к адвокатам за осуществление ими адвокатской деятельности, а не к руководителю юридического лица за деятельность по осуществлению руководства юридическим лицом, суд не учёл следующее.

Подпунктом 5 п. 1 ст. 7, подпунктом 1 п. 7 ст. 25, подпунктом 4 п. 2 ст. 30 ФЗ об адвокатуре установлена **обязанность адвоката** производить обязательные отчисления на общие нужды адвокатской палаты, а также то, что размер и порядок таких отчислений устанавливается общим собранием (конференцией) адвокатов. Подпунктом 4 п. 2 ст. 36 ФЗ об адвокатуре установлено, что Всероссийский съезд адвокатов определяет размер отчислений адвокатских палат на общие нужды Федеральной палаты адвокатов исходя из численности адвокатских палат.

Следовательно, действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает ни обязанности **руководителя адвокатского образования** осуществлять за адвокатов обязательные отчисления средств на общие нужды адвокатской палаты, ни возможности установления кем-либо такой обязанности или порядка осуществления таких перечислений руководителем адвокатского образования. Более того, гражданское законодательство прямо устанавливает равенство и независимость субъектов правоотношений – юридических лиц. При этом ссылка в оспариваемом решении Совета АПМ на ст. 24 Налогового кодекса РФ является несостоятельной, поскольку согласно ч. 1 ст. 2 НК РФ законодательство о налогах и сборах регулирует властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов, страховых взносов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения.

В равной степени несостоятельной является и Совета АПМ ссылка в оспариваемом решении на нормы п. 8 ст. 15 КПЭА и п. 13 ст. 22 и п. 6 ст. 25 ФЗ об адвокатуре как обоснование обязанности и переложение ответственности за

перечисление обязательных отчислений с адвоката на руководителя адвокатского образования.

Поскольку у руководителя адвокатского образования нет обязанности по уплате соответствующих платежей вместо адвоката, то в действующем законодательстве Российской Федерации и отсутствует возможность привлечения руководителя адвокатского образования к ответственности за несуществующую обязанность.

В соответствии с п.12 ст.22 ФЗ об адвокатуре члены коллегии адвокатов не отвечают по обязательствам коллегии, в свою очередь, коллегия адвокатов не отвечает по обязательствам своих членов.

Таким образом, я, исполняя обязанности Председателя Президиума Коллегии, т.е. руководителя самостоятельного юридического лица, имеющего филиалы, и осуществляющего свою деятельность на территории многих субъектов Российской Федерации, не подчинённого другому юридическому лицу – Адвокатской палате города Москвы, **не обязан, а вправе** осуществлять платежи на общие нужды Адвокатской палаты г.Москвы от имени адвокатов и в их интересах в случае, если адвокаты уполномочивает Коллегию на осуществление таких платежей. Следовательно, я как руководитель самостоятельного юридического лица не могу нести дисциплинарную ответственность перед органом другого юридического лица (членом которого Коллегия не является) за какие-либо действия или бездействия (в том числе за непредставление неких реестров к платежам), если такая ответственность не установлена непосредственно законом.

Данный довод подтверждается и тем фактом, что многие адвокаты Коллеги осуществляют платежи на общие нужды Адвокатской палаты г.Москвы непосредственно в АПМ напрямую, минуя Коллегию. Данные факты ответчиком не опровергаются.

Статья 20 Кодекса профессиональной этики адвоката прямо регулирует вопрос возбуждения дисциплинарного производства, предусматривая основания возбуждения. В силу положений пунктов 4 и 5 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката не могут являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства жалобы, обращения, представления лиц, основанные на действиях (бездействии) адвоката (в том числе руководителя адвокатского образования, подразделения), не связанных с исполнением им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса. Не могут являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства жалобы и обращения других адвокатов или органов адвокатских образований, возникшие из отношений по созданию и функционированию этих образований.

Дисциплинарное производство в отношении меня было возбуждено в нарушение пунктов 4 и 5 ст.20 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как основанием для возбуждения стала не моя **профессиональная деятельность как адвоката**, а функционирование адвокатского образования (Межрегиональной коллегии адвокатов г. Москвы), руководителем которого я являлся на тот момент.

Также согласно п.2 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, однако в силу малозначительности не порочащее часть и достоинство адвоката, не умаляющие авторитет адвокатуры и причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате.

В материалах дисциплинарного производства нет пояснений и/или документов, подтверждающих, чем непредставление реестра в формате «Excel» с персональными данными адвокатов-членов коллегии, порочит честь и достоинство адвоката, умаляет авторитет адвокатуры или причинил существенный вред доверителю или адвокатской палате.

При этом, предусмотренная действующим законодательством обязанность по перечислению ежемесячных отчислений Коллегией исполнялась надлежащим образом и своевременно, что подтверждается текстом самого оспариваемого решения. Однако данное противоречие судом устранено не было.

Следует заметить, что помимо п. 6 ст. 15 КПЭА, неисполнение которого необоснованно вменяется мне в вину, в КПЭА имеется другая норма (п.8 ст. 15), относящаяся непосредственно к руководителям адвокатских образований (или их подразделений – как в случае с МКА г.Москвы, имеющей филиальную систему функционирования): адвокаты-руководители адвокатских образований (подразделений) и руководители адвокатских палат субъектов Российской Федерации обязаны принимать меры для надлежащего исполнения адвокатами профессиональных обязанностей по участию в оказании юридической помощи бесплатно и помощи по назначению, а также по осуществлению отчислений на общие нужды адвокатской палаты и выполнению иных решений органов адвокатской палаты и Федеральной палаты адвокатов, принятых в пределах их компетенции.

И использование в оспариваемом решении пункта 6 вместо пункта 8 статьи 15 КПЭА – это не опечатка, а сознательное применение нормы права, не подлежащей применению в данных правоотношениях в целях оправдания незаконного решения Совета АПМ № 135, «притягивание за уши» и подмена понятий, поскольку данная норма не предполагает возможности привлечения к дисциплинарной ответственности.

Согласно п. 4, 5 ст. 20 КПЭА не могут являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства жалобы, обращения, представления лиц, не указанных в пункте 1 настоящей статьи, а равно жалобы, обращения и представления указанных в настоящей статье лиц, основанные на действиях (бездействии) адвоката (в том числе руководителя адвокатского образования, подразделения), не связанных с исполнением им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса. Не могут являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства жалобы и обращения других адвокатов или

органов адвокатских образований, возникшие из отношений по созданию и функционированию этих образований.

Таким образом, я привлечён к ответственности в нарушение действующего законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ при отсутствии оснований для привлечения к ответственности, не соблюдении процедуры и на основании документа, принятого с нарушением ФР об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ.

Более того, я за якобы неисполнение неких функций руководителя одного юридического лица привлечён к дисциплинарной ответственности органом управления другого юридического лица(!). Однако перечисленные противоречия в оспариваемом решении судом устранены не были.

Отклонение судом довода искового заявления о незаконности и необоснованности заключения Квалификационной комиссии АПМ от 29.01.2020 на том основании, что оно было действующим, а каких-либо возражений Совету АПМ относительно его законности мной при рассмотрении этого заключения заявлено не было, считаю несостоятельным.

Во-первых, заключения Квалификационной комиссии не является документом, которое может быть самостоятельно оспорено отдельно от решения Совета АПМ по дисциплинарному производству, поскольку само по себе оно не может само по себе (отдельно от решения совета палаты) нарушить права участника дисциплинарного производства.

А во-вторых, как указывалось ранее, я был необоснованно и незаконно лишён возможности заявить свои возражения на заседании Совета АПМ 28.02.2020 при рассмотрении дисциплинарного производства в отношении меня, поскольку моё ходатайство об отложении разбирательства было отклонено Советом АПМ. Таким образом, суд собственным выводом по данному вопросу опроверг свой другой вывод – относительно того, что мои права не были нарушены отклонением моего ходатайства об отложении слушания.

3. Помимо вышеописанных судом также был допущены много численные процессуальные нарушения, повлиявшие на законность и обоснованность судебного решения.

Так, судом было отклонено моё мотивированное ходатайство об отложении судебного заседания, назначенного на 24.09.2020, в связи с моим отсутствием на территории РФ, подтверждённым копиями авиабилетов, для личного участия, со ссылкой на гарантированные мне Конституцией РФ и ГПК РФ принципами состязательности и равноправия сторон, устности и непосредственности судебного разбирательства, на сложившуюся устойчивую позицию высших судебных инстанций по данному вопросу. Причём, я сообщил судье о своём предстоящем отсутствии ещё в момент определения им даты следующего

судебного заседания – 25.08.2020. На что судья лишь язвительно заметил, что, мол, вот мы и посмотрим, будет ли это основанием для отмены судебного решения апелляционной инстанцией.

Кроме того, суд отказал в удовлетворении практически всех моих ходатайств о приобщении и истребовании доказательств (например, т. 1 л.д. 183-188), допросе свидетелей, явку которых я обеспечил, чем лишил меня возможности более полного обоснования доводов моей правовой позиции в состязательном равноправном процессе. При этом суд не отказал в удовлетворении ни одного из ходатайств ответчика.

На основании изложенного, в соответствии со ст. 328, 330 ГПК РФ, прошу отменить решение Хамовнического районного суда г.Москвы от 24.09.2020 по делу № 2-2064/2020 и удовлетворить исковые требования в полном объеме.

Приложение:

1. Оригинал квитанции об уплате государственной пошлины.
2. Копии квитанций о направлении экземпляров настоящей жалобы лицам, участвующим в деле.
3. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 04.04.2019 по делу № 11-3538/2019 и решение от 10.12.2018 по делу № 2-3834/2018.

С.А. Кривошеев